

**Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации**

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
МОСКОВСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ИНСТИТУТ
(ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ)**

Направление подготовки: АРХИТЕКТУРА 07.06.01

**НАУЧНЫЙ ДОКЛАД
об основных результатах
подготовленной научно-квалификационной работы (диссертации)**

На тему: «Творчество членов объединения АРУ в Средней Азии»

Аспирант: Верхотуров Филипп Владимирович

**Научная специальность 05.23.20. – Теория и история архитектуры, реставрация и
реконструкция историко-архитектурного наследия**

**Научный руководитель: Иванова-Веэн Лариса Ивановна, канд. арх., директор Музея
МАРХИ**

Кафедра подготовки: «Советская и современная зарубежная архитектура»

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность

Архитектура советского авангарда долгое время будет находиться под пристальным вниманием научного сообщества. Более 60-лет насчитывает история исследования архитектурного авангарда. 100-летний юбилей, отпразднованный в 2020 году показал, как много еще неисследованных вопросов. Малоисследованной областью является архитектурный авангард в Средней Азии, который содержит в себе драгоценное наследие представителей разных творческих объединений, внесших ощутимый вклад в развитие региона.

История творчества архитекторов, составлявших основу объединений по-прежнему остаётся малоизвестным аспектом в истории архитектуры начала 1920-х конца 1930-х годов. Таким образом, на пересечении двух вопросов: деятельности творческого объединения архитекторов-урбанистов и ассимиляция их авангардных архитектурно-градостроительных идей на территории с региональными и климатическими особенностями возникает тема творчества архитекторов-урбанистов в Средней Азии. Отсутствие специального исследования о деятельности АРУ вообще и их творчестве в Средней Азии, указывает на необходимость систематизации фактов и результатов продолжительного интереса у архитекторов-урбанистов к теме развития среднеазиатской архитектуры и градостроительства.

Лидеры новых течений были окружены преданными последователями в основе своей из студентов архитектурных училищ. Атмосфера конкуренции абсолютно разных методик и принципов творческих организаций (ОСА, АСНОВА, АРУ и др.) во ВХУТЕМАСе-ВХУТЕИНе способствовала возникновению небывалому по своему разнообразию и количеству новаторских идей в архитектурно-градостроительных проектах, необходимых для развивающейся экономики и промышленности советского государства.

Результатом подъёма творческой активности архитекторов в период с середины 1920-х и концом 1930-х стало распространение архитектурно-градостроительных идей возникших объединений не только из столицы в регионы советской России, а также в регионы Средней Азии с абсолютно иной культурой градостроительства и архитектуры. Причиной этому стали подготовленный Госпланом СССР на основании промышленных и хозяйственных планов развития среднеазиатских республик общий перспективный план гражданского строительства на 1926–1931 годы.

В годы реализации этого плана, несмотря на некоторые трудности, среднеазиатские регионы достигли определённых успехов в развитии социалистической архитектуры и, по

мнению исследователя Ш. Аскарова, могли одновременно с Центром обратиться к осуществлению программ домов переходного типа и домов-коммун¹.

Среди представителей традиционализма, конструктивизма выделяются уникальной концепцией формообразования и отношением к городскому пространству Объединение АРУ, которое было создано в 1928 году Н.А. Ладовским и его соратниками, как венец становления творческого течения рационализм. Находясь вне предшествующих стилевых направлений, ориентированной на абсолютно новые художественные и эмоциональные закономерности формообразования выделяют школу Н.А. Ладовского. Это стимулирует на исследование одного из главных этапов в существовании рационализма – Объединения архитекторов урбанистов (АРУ).

В становлении архитектуры Средней Азии в 1920-е местные инженеры и архитекторы, имея знания исторической архитектуры сталкивались с проблемой степени внедрения и преобразования традиции в архитектуру новой типологии и реконструкции городов для нужд советского человека. Архитекторы Москвы приняли в этом участие и сыграли важную роль в том, чтобы традиция обрела характер инновации на всех уровнях проблемы: от среднеазиатского жилья до проблемы нового города и реконструкции старых. Поэтому теоретический и практический опыт проектирования в Средней Азии, зафиксированный архитекторами АРУ в публикациях архитектурно-строительных журналов в период с 1930-х по 1940-е годы особенно актуален для составления и понимания целостной картины освоения региона и заслуживает отдельного рассмотрения.

Почти пятнадцатилетний период (с 1925 по 1940-е гг.), рассмотренный в данном исследовании творчества архитекторов-урбанистов в Средней Азии, был ярким и важным не только для них самих, но и для становления и развития национальной архитектуры Средней Азии. Начавшие разработку решения перестройки быта с проекта соцгорода Новый Чарджуй (1930 г.) вместе с конкурирующими объединениями, члены АРУ единственные из немногих продолжили заниматься вопросом реконструкции среднеазиатского города. Архитекторы оставили ценнное наследие, которое касается сохранения памятников древнего зодчества и переосмысливания традиционного зодчества с бытовыми привычками через экспериментальные наработки и реальные проекты в актуальную социалистическую архитектуру Средней Азии. Для каждого из этих учеников Н.А. Ладовского он сложился по-разному, каждый внес свой вклад на определённом периоде развития.

¹ Аскаров Ш.Д. Становление социалистической архитектуры в Средней Азии 20-х - начала 30-х годов : специальность 18.00.01 «Теория и история архитектуры»: диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры / Аскаров Шукур Джираевич: Ташкентский политехнический институт им. Абу Райхана Беруни. – Ташкент, 1975. – 271 с.

Анализ и установление этапов развития принципов АРУ во времени с 1920-х по 1940-е годы, заложенных Н.А. Ладовским в учениках своей мастерской, важен для истории и теории архитектуры, так как представляет драгоценное наследие и для современной архитектуры, ориентированной на сохранение региональных особенностей в эпоху глобализации.

Степень изученности темы.

Теоретическая база исследования основывается на публикациях в периодической печати, осмысливающих путь развития новой социалистической архитектуры в среднеазиатских республиках. К ним относятся труды архитекторов-практиков, умело сочетающих талант исследователя и практика. На фоне развития тенденций освоения местного наследия «Восток плюс классика», одна из первых публикаций М.Я. Гинзбурга «Национальная архитектура народов СССР» 1926 года, наметила собой начало идеи новаторского использования наследия в рамках функционального метода.

Несмотря на отсутствие у архитекторов-урбанистов отдельного журнала, который давал бы полное представление о развитии и целях Объединения, фундаментом для исследования творчества членов АРУ в Средней Азии стали их публикации 1930-х годов в журналах «Советская архитектура» и «Архитектура СССР». Пояснительная записка к проекту соцгорода Чарджуй В. Калмыкова и Л. Гриншпуна (1931 г.), первая часть серии публикаций В. Лаврова и В. Попова (1931-32) о реконструкции городов Ферганской долины под эгидой АРУ демонстрирует принципы проектирования, заложенные в мастерской Н.А. Ладовского. Статьи архитекторов-урбанистов являются обоснованием адаптации методов урбанистического проектирования (контраст, гибкость) к условиям проектирования в Средней Азии.

На этапе распада АРУ в 1932 году ценным материалом для заявленного исследования послужила завершающая серию вторая половина статей В. Лаврова и В. Попова о планировке городов Андижана и Наманганда. В. Калмыков продолжает исследовать возможность применения новых форм для жилища оседающих кочевников Киргизии (1933-1935). Публикации В. Лаврова об анализе жилища древнего периода (1934 г.) и цвете в среднеазиатской архитектуре являются доказательством его интереса к проблеме архитектуры края. Первыми рассуждениями В. Лаврова об организации архитектурно-пространственного ансамбля на примере композиции среднеазиатского города стал раздел в сборнике материалов о проблемах архитектуры (1937 г.). Публикации В. Лаврова с Г. Орловым «Проект Чирчикстроя», «Верхний город Чирчика» освещают архитектурно-градостроительные проекты, которые решали иные практические задачи, отличающиеся от тех, которые ставились ранее в АРУ. Вышеперечисленный материал от

авторов проектов «от первого лица» позволил охарактеризовать направление их интересов, формирующихся у бывших рационалистов в обстановке ориентации на технико-экономическую сторону в планировании городов и изучении архитектурного наследства.

Образовавшийся значительный пробел в оценке истории архитектуры 20-х начала 30-х Средней Азии восполнил Ш.Д. Аскаров в 1975 г. исследованием на тему «Становление социалистической архитектуры в Средней Азии в 20-х нач. 30-х годов». Автором выделены и охарактеризованы три этапа её становления. Роль важнейшего творческого течения рационализма, венцом которого стало Объединение АРУ, в этапах не установлена, хотя значимые проекты архитекторов-урбанистов для Средней Азии были проанализированы автором. В работе введен в оборот и подробно описан конкурсный проект жилых домов для Хлопкостроя, арх. В. Попова (1929 г.).

Первые документальные данные о работе членов АРУ приводятся в трудах В.Э. Хазановой «Из истории Советской архитектуры 1926-1932. Документы и материалы. Творческие объединения» (1970 г.). Важным материалом для данного исследования является следующая работа В.Э. Хазановой об архитектуре первой пятилетки, где охарактеризованы проекты АРУ в Средней Азии в контексте социалистического расселения (1980 г.).

Вопросы, связанные с методами освоения архитекторами наследия в архитектуре рассмотрен Ю.Л. Косенковой в диссертации «Освоение наследия в архитектуре Советского Узбекистана» (1979 г.). В дальнейшем автором раскрыта тема «Советского города 1940-х - первой половины 1950-х годов: От творческих поисков к практике строительства особенностей архитектурно-градостроительного процесса в период послевоенного восстановления городов СССР» (2000 г.), где рассмотрено плановое и стихийное начало в градостроительстве 20-х–30-х годов и идеи «города ансамбля», то есть хронологически определены тенденции градостроительства. Оценка этого периода Ю. Косенковой важны для настоящего исследования иллюстрацией смены тенденций в подходе к проектированию городов, заставших бывших членов АРУ.

Е.Г. Малиновская исследованием на тему «Формирование профессиональной архитектуры Казахстана» (1988 г.) внесла новое прочтение и подход к изучению проблемы национальной архитектуры. Много внимания уделено творческому методу архитекторов-рационалистов, учеников Н. Ладовского, внесших особый вклад в архитектуру Средней Азии: В. Калмыкову, А. Бунину, М. Кругловой, что важно для сегодняшнего изучения творчества членов АРУ, так как характеризует их творческие методы. Их поиски среднеазиатской архитектуры, как отмечает Е.Г. Малиновская, смогли

«преодолеть односторонность» использования традиции, благодаря конструктивно-планировочным экспериментам и обрели характер инновации.

Впервые С.О. Хан-Магомедов в своих монографиях о видных учениках Н.А. Ладовского, прошедших путь от Обмаса к АСНОВА и АРУ – Виталии Лаврове и Викторе Калмыкове обстоятельно рассматривает творческий путь архитекторов-урбанистов. В них автор много внимания уделил публикациям архитекторов-урбанистов о проектах в Средней Азии, тем самым систематизировав материал и выявив их творческие методы в контексте меняющихся направлений архитектурной теории и практики 1930-х годов. В них выделены разделы, анализирующие работы в Средней Азии на основе публикаций и проектов. Данный материал вобрал в себя все вышеперечисленные подходы к проблеме освоения наследия с позиции творческого течения рационализма. Таким образом, С.О. Хан-Магомедов первым специально определил и раскрыл тему творчества членов АРУ в Средней Азии, как заслуживающую отдельного исследования.

Несмотря на проделанную исследователями работу, существенные аспекты деятельности АРУ в Средней Азии не прояснены, история сложения проектов обделена вниманием. Заявленная тема разработана с привлечением архивных материалов, обнаруженных и вводимых в научный оборот автором диссертации. Такой подход позволил выявить периоды в творчестве членов АРУ, оценить значимость проектов, выявить роль каждого архитектора на протяжении их работы в Средней Азии, определить преемственность и отличия в творчестве членов АРУ.

Фонды архивов Музея архитектуры им. Щусева содержат информацию о творческой деятельности и ранее не опубликованные проектные материалы исследуемых архитекторов. В фондах РГАЛИ содержатся творческие характеристики и личные дела членов АРУ, которые легли в основу систематизации периодов творчества. ЦГАМО располагает фондом об организации Объединения АРУ, в котором содержатся протоколы заседаний, раскрывающие внутреннюю жизнь творческого объединения и деловые отношения членов АРУ. В ГА РФ содержатся ценные документальные свидетельства о проектах.

Объект исследования – конкурсные архитектурно-градостроительные проекты, исследовательские работы и осуществлённые проекты членов АРУ в Средней Азии.

Предмет исследования – особенности развития творческой деятельности членов объединения АРУ в Средней Азии.

Границы исследования. Для исследования творчества членов АРУ представляют интерес архитекторы-урбанисты: С.А. Лопатин, В.С. Попов, В. Лавров и В. Калмыков, в связи с их продолжительной исследовательской и проектной деятельностью в Средней

Азии. Начиная с изучения памятников старины Самарканда, Бухары в рамках учебной практики и первых опытов проектной практики там же в 1925-27 гг. по 1930-е годы, когда произошел пик творческой активности членов АРУ в Средней Азии. Данный отрезок отметил *временные границы* исследования. Перечень персоналий дополняется теми членами АРУ, для кого проектирование в среднеазиатском регионе имело единоразовый характер. Важная роль в исследовании отводится периоду обучения будущих членов АРУ в ВХУТЕМАСе-ВХУТЕИНе до Средней Азии.

Географические границы определены проектно-исследовательской деятельностью объединения АРУ в Средней Азии: проект для социалистического города Чарджуй (1931), Туркменская ССР, проект реконструкции городов Андижан и Наманган (1931-32), Чирчикстрой (1935-1939) - Узбекская ССР и проблемы социалистического расселения для Киргизской Республики (1933-1935).

Типологические границы отмечены объектами, обнаруженными на протяжении временных границ (1925-1945): градостроительные, общественные, спортивные и жилые объекты. Анализ учебных заданий будущих членов АРУ ограничился самыми ранними и сложными по теме курсовыми. Дипломные проекты рассматривались как итог профессионального становления будущих членов АРУ.

Анализ и систематизация полного списка учебных работ, а также проекты АРУ вне среднеазиатского региона требуют специального рассмотрения и не вошли в рамки данного исследования. Освоение местного наследия, проблемы национального и международного в архитектуре специально не рассматривались, а лишь в той степени, в которой того требует контекст.

Цель исследования – представить целостную картину о творческой деятельности членов АРУ в Средней Азии на основе документальных данных.

Цель определила задачи исследования:

1. Изучить творческие биографии выпускников Н.А. Ладовского, принимавших активное организаторское и практическое участие в развитии АРУ: В. Лаврова, В. Попова, С. Лопатина и В. Калмыкова.
2. Выявить в творчестве этих архитекторов деятельность в Средней Азии и систематизировать их в периоды.
3. Проанализировать проекты для городов Средней Азии, выполненные под эгидой АРУ: обстоятельства разработки согласно документальным данным, особенности проектов.
4. Охарактеризовать изменения в проектно-исследовательской деятельности бывших членов АРУ для Средней Азии после распада объединения в 1932 году.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые:

1. Установлены периоды творчества членов АРУ в Средней Азии и выявлены особенности каждого периода в контексте общего развития тенденций архитектуры с середины 1920-х по 1930-е годы.
2. Выявлены новые документальные сведения о внутренней организации АРУ и творческой деятельности её членов.
3. Введены в научный оборот биографические данные членов АРУ: С.А. Лопатина, В.А. Лаврова, В.С. Попова, В.П. Калмыкова, А.В. Бунина, М.Г. Кругловой
4. Рассмотрена история проектирования соцгорода Чарджуй (арх. В. Калмыков, Л. Гриншпун) и обнаружены документальные свидетельства разработки конкурсного проекта, а также изучены стенограммы заседаний по реконструкции городов Ферганской долины (арх. В. Лавров, В. Попов).
5. Впервые выявлен и представлен факт участия студентов С.А. Лопатина и В.С. Попова в археологических экспедициях Средазкомстариса в 1926 году, оказавший влияние на разработку проектов для Средней Азии в 1930-е годы.
6. Продемонстрирована преемственность концепции формообразования Н.А. Ладовского в проектах бывших членов АРУ для Средней Азии второй половины 1930-х начала 1940-х гг.

Теоретическая значимость заключается в составлении целостной картины о ранее малоизвестном творчестве членов АРУ в Средней Азии на основе документальных архивных данных в контексте участия в решении проблемы актуальной архитектуры среднеазиатского региона другими архитекторами (представителей творческих течений Москвы и местными профессионалами). Обнаруженные данные позволили расширить представление и раскрыть разнообразие, особенности проектной и исследовательской деятельности архитекторов с 1920-х по 1940-е гг. для Средней Азии.

Практическая значимость проведённого исследования представляется важной для применения в учебном процессе в рамках курса «История советской архитектуры XX века». Во включении архитектурно-художественными музеями выявленных периодов творчества членов АРУ в Средней Азии в экспозиционные материалы, демонстрирующие многообразие творчества архитекторов авангарда, выпускников ВХУТЕМАСа-ВХУТЕИНа и их вклад в поиск актуальной среднеазиатской архитектуры. Выявленные принципы и приёмы членов АРУ в освоении наследия традиционного зодчества и их внедрение в актуальную архитектуру, могут послужить рекомендациями для

практикующих архитекторов сегодня. Так как учет региональных особенностей остается по-прежнему важным аспектом в современной архитектуре в эпоху глобализации.

Методология и методы исследования.

Базируются на междисциплинарном подходе. Использованы сравнительно-исторический, ретроспективный и системный методы исследования в выявлении, изучении и сопоставительном анализе комплекса опубликованных материалов, проектной документации, научной литературы, а также выявленных в процессе исследования архивных источников из архивов Москвы ГА РФ, РГАЛИ, РГАЭ, ЦГАМО, ГНИМА им. А.В. Щусева, ЦГА и Самобр архив (Узбекистан)

Научные результаты, выносимые на защиту:

1. Авторская периодизация творчества членов АРУ в Средней Азии
2. Содержание и отличительные черты трех этапов в творчестве членов АРУ в Средней Азии: В. Лаврова, В. Калмыкова, В. Попова и С. Лопатина
3. Научная оценка исторических сведений о творчестве членов АРУ в Средней Азии

Степень достоверности результатов проведённого исследования и их внедрение.

Основные результаты исследования были опубликованы в 11 статьях, общим объёмом 4,931 печатных листа, в том числе 2 статьи в научных периодических изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ общим объёмом 2,88 п.л. Достоверность результатов исследований достигаются: исследованием работ отечественных теоретиков архитектуры в области анализа концепций творческих течений советского архитектурного авангарда, работ исследователей о национальной архитектуре Средней Азии периода с 1920-х по 1940-е годы; изучением материалов государственных архивов и публикаций рассматриваемого периода и новейших. Отдельные положения работы раскрыты на международных научных и научно-практических конференциях:

- «Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ»: Международная научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов, 8-12 апреля 2019 г.
- Международная научно-практическая конференция XXX-е Алпатовские чтения «Баухауз в контексте мирового зодчества» (к 100-летию Баухауз в рамках программы ЮНЕСКО), 5-6 декабря 2019 года, г. Москва, Российская академия художеств.
- XVI Международная научно-практическая конференция им. В.Татлина. «Реабилитация жилого пространства горожанина», 19-20 февраля 2020 г.

- V Хан-Магомедовские чтения. Международная научная конференция 23-25 марта 2020 года
- «Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ»: Международная научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов, 6-10 апреля 2020 г.
- «Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ»: Международная научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов 5–9 апреля 2021 г.

Структура диссертации.

Диссертация включает в себя текстовую часть, состоящую из введения, трех глав, заключения, библиографического списка; приложение, содержащее иллюстрации к текстовой части, ранее не публиковавшиеся архивные анкеты личных дел архитекторов, касающиеся проектной и исследовательской деятельности членов АРУ.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении раскрыта актуальность темы исследования, обусловленная важностью архитектурно-градостроительного авангарда, затрагивающий тему проектирования в особенных условиях среднеазиатского края. Отмечено отсутствие специального труда, где систематизированы основные этапы творчества архитекторов-урбанистов в Средней Азии в 1930-х годах.

Сформулированы: объект, предмет, цель и задачи исследования, научная новизна, положения, выносимые на защиту, указаны методы исследования, раскрыты теоретическая и практическая значимость, представлена степень достоверности и апробация результатов исследования.

Глава 1. Формирование профессиональных навыков во ВХУТЕМАСе-ВХУТЕИНе в мастерской Н.А. Ладовского у будущих проектировщиков Средней Азии

1.1. Дисциплина «Пространство» и курсовые проекты в основе обучения студентов Архфака

Раздел посвящен периоду постепенного освоения студентами нового языка архитектуры под руководством Н. Ладовского. В периоде обучения стоит отметить важность описания уникальной творческой атмосферы, в которой студенты создавали оригинальные работы. В работах студенты не заимствовали приёмы знаменитых отечественных и зарубежных архитекторов, и не следовали подсказкам своих

руководителей. Уникальность преподавания в мастерской заключалась в генерировании Н. Ладовским идей, которые влияли на учеников так, что те выполняли оригинальные произведения, не прибегая к аналогам или образцам. Именно это отличало школу Н. Ладовского от конструктивистов и традиционалистов. Описание этой атмосферы стало возможным благодаря ранее неизвестным материалам – записанным С.О. Хан-Магомедовым беседам с выпускниками, творчество которых пока малоизучено: старшего поколения школы, которые защитили дипломы в 1929 году: В.А. Лаврова, В.С. Попова, и младшего, защитивших на год позже: Е. Иохелеса, А. Каплуна.

На примерах отвлеченных и производственных заданий, макетного метода проектирования выявлены особенности отношения будущих архитекторов к архитектурному пространству. Особенность на первых этапах обучения заключалась в умении создать выразительную композицию архитектурного объекта благодаря развитому абстрактному мышлению, полученному ранее в работе над отвлеченными заданиями. В курсовых проектах студенты обрели навык учета ограничивающих условий в том числе и в отношении места проектирования. Условия создавались Н. Ладовским искусственно, однако сформировали в студентах способность учитывать контекст места в широком смысле этого понятия. В программу учебного задания руководителями включались осложняющие факторы, как неудобный по размерам и конфигурации участок застройки. Как отмечает, С.О. Хан-Магомедов, это было тогда новым и неожиданным. Благодаря такому подходу студенты Н.А. Ладовского приучались проектировать в реальной градостроительной ситуации, где ничего нельзя было снести или изменить.

Задания позволяли в комплексе решать задачу на включение небольшого здания в природное окружение и на сочетание задач на выразительность объёма и пространства. Напряженная работа по формированию курсового объекта поставили вопрос о патентовании в архитектурно-строительной области не только конструктивных и научно-прикладных, но архитектурных объёмно-пространственных решений.

1.2. Дипломные проекты мастерской Н.А. Ладовского

Данный раздел отражает значимость итоговых работ как для профессионального становления студентов, так и для детища Н. Ладовского и его соратников – творческого течения рационализм.

На примере проектов старшего выпуска мастерской В. Лаврова, В. Попова, С. Лопатина показано, что в проектах на градостроительную тему «Новый город» (1928 г.) будущими архитекторами реализован комплексный подход к решению проблемы социалистического города: от архитектурно-планировочного решения отдельного объекта к району и системе целого города. Творческие поиски в направлении гибкости

планировки и возможности роста города, зрительного восприятия нашли отражение и в проектах младших воспитанников мастерской Н. Ладовского: В. Калмыкова, Л. Гриншпуна на тему «Зелёный город» (1930 г.).

Оригинальность и смелость решений в проектах данного периода отразила сумму архитектурно-градостроительных принципов рационализма. Дипломные проекты на градостроительную тему подытожили этапы обучения, пройденные студентами, и позволяют сделать вывод об их высокой профессиональной готовности, так как обрели навык работы во всех масштабах: от объекта до системы города. Это одна из причин по которой творчество воспитанников Н. Ладовского в дальнейшем сыграло фундаментальную роль в развитии одной из мощных группировок авангарда – Объединении архитекторов-урбанистов.

1.3. Возникновение Объединения архитекторов-урбанистов и Декларация 1928 и 1931 гг.

Приведены сведения о причинах возникновения АРУ, особенностях функционирования группировки, преследуемых целях Объединения в проектной теории и практике строительства городов. Обозначается состав вступивших выпускников Н. Ладовского и их роль в развитии Объединения. Сконцентрировано внимание на тех архитекторах-авторах, которые от начала до конца были приверженцами рационализма, то есть составляли ядро творческого направления рационализм. Понятие «квадриги Н. Ладовского», в которую входили В. Лавров, Г. Крутиков, В. Попов и С. Лопатин, вводится впервые Хан-Магомедовым. Важная роль квадриги объясняется продолжительным участием в развитии творческой концепции рационализма – с периода освоения новых методов обучения в Обмасе (на Архфаке, в мастерской Н. Ладовского) и активной деятельностью в АРУ.

Анализ двух деклараций АРУ: первой, опубликованной в 1929 году и второй 1931 г. является важным источником для исследования творчества членов АРУ. По причине отсутствия печатного издания Объединения АРУ, положения в декларации можно считать одним из немногих материалов, который даёт точное представление о творческих принципах архитекторов-урбанистов. Это следует из одного положения Декларации: «...выступление следует рассматривать как рабочий документ, формулирующий программу практических действий».

Отличительной особенностью объединения АРУ, от других творческих группировок (АСНОВА, ОСА) считалось рассмотрение отдельного сооружения, как часть от целого. Также из декларации АРУ следует, что урбанизм архитекторами рассматривался как научная дисциплина, цель которой раскрыть закономерности

организации поселений в различных их формах и развитии, установить законы на основе которых возможно плановое предвидение и преодоление стихийности этого процесса, то есть перевода его на рельсы социалистического планирования. Именно эти положения в декларации объясняют тот факт, что в проектах архитекторов-урбанистов для Средней Азии особое место занимало скрупулёзное изучение местного уклада общественно-культурной жизни, истории и специфики сложения местной архитектуры и градоустройства. Специфические законы развития среднеазиатского города (часто исследующие город архитекторы считали его хаотично растущим) особенно ярко позволили проявить принцип «преодоления стихийности».

Глава 2. Проектная деятельность объединения АРУ в Средней Азии 1930-1932

2.1. Архитекторы Москвы и Ленинграда в становлении архитектуры Средней Азии 1925-29 гг.

2.1.1. Контекст сложения архитектуры Средней Азии

Для понимания предыстории сложения архитектуры Средней Азии второй половины 1920-х годов необходимо рассмотреть тенденции при которых происходило становление архитектуры этого региона и выявить роль архитекторов в этом процессе. Это важно потому что знакомство будущих членов АРУ, а пока ещё студентов ВХУТЕМАСа В. Попова и С. Лопатина, происходило в 1926 году, реализация проектов для Самарканда в 1927 и 1929 гг.. Период в который будущие члены АРУ познакомились с регионом (1926 по 1929 годы) встраивается во времена интенсивных поисков среднеазиатской архитектуры, перехода местных архитекторов от «национального стиля» к утверждению новаторских течений, формирования местных школ². Также во второй половине 1920-х происходит внедрение новых типологий, производятся попытки отражения в проектах социального содержания³.

Процесс сложения современной архитектуры Средней Азии представляется переплетением междисциплинарных задач, которые ставило государство перед сообществом профессий искусства и науки. На фоне решения проблемы нехватки качественного жилья в государствах Средней Азии, вопросов национальной и интернациональной архитектуры и необходимости реконструкции городов в связи внедрением производств и новых типологий объектов. Важной задачей советское

² Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. Книга первая. Проблемы формообразования. Мастера и течения / С. О. Хан-Магомедов. – Москва: Стройиздат, 1996. – 709 с.

³ Аскarov Ш.Д. Становление социалистической архитектуры в Средней Азии 20-х – начала 30-х годов: специальность 18.00.01 «Теория и история архитектуры»: диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры / Аскarov Шукур Джираевич. Ташкентский политехнический институт им. Абу Райхана Беруни. – Ташкент, 1975. – 271 с.

государство наметило реконструкцию древних памятников среднеазиатской архитектуры, сохранение и популяризацию их в обществе. Вклад в это вносили археологи, крупные искусствоведы специалисты среднеазиатского искусства (Денике, Пугаченкова, Воронина, Ремпель), чьи статьи об орнаменте, традиционном жилье и религиозных объектах, как о центрах общественно-политической жизни публиковались в журналах. Выходили первые книги о древней архитектуре Средней Азии⁴ и предпринимались экспедиции, организованные специальными комитетами (Средазкомстарис), музеем Восточных культур и историческими факультетами крупных институтов столичных городов советской России. Первые труды этих лет о малоизвестной архитектурно-градостроительной специфике края становились теоретическим и практическим источником для архитекторов, кто искал пути развития современной архитектуры Средней Азии. Более того, как показало данное исследование материалы природно-геологических изысканий региона, предпринятые в середине 1920-х годов, становились исходными данными для проектирования соцгородов в 1930 году (конкурс на проект соцгорода Чарджуй, 1930г.).

Ряд архитекторов, как Б.Н. Засыпкин, сочетали в себе талант реставратора и практикующего архитектора, являлись сторонниками классической школы и с трудом воспринимали формы авангардной архитектуры. Лидер конструктивизма М.Я. Гинзбург, участвовал в поездке в 1924 году в г. Бухару и в дальнейшем ссылался на свой опыт изучения архитектурной культуры Востока в первой статье о внедрении новых форм в национальную архитектуру. Весомый вклад внесли архитекторы на местах. Старшее поколение неприхотливы в выборе между прошлыми и актуальными тенденциями (Г. Сваричевский, Л. Воронин), тогда как молодые (С. Полупанов) по новым принципам органичности программы и структуры здания, вдохновению современной советской и прошлой восточной архитектурой в целях новой образности. Вклад местных архитекторов был важен для формирования архитектурной школы в последующие десятилетия.

Именно знание исторической архитектуры помогало новаторам выявлять и комбинировать приемы, архитектурно-пространственные элементы возможные для применения в актуальной архитектуре региона. Как отмечает С.О. Хан-Магомедов, в этом заслуга тех, кто мерил сам архитектуру. Незнание этих законов древних зодчих сковывало современных архитекторов. По мнению Ш. Аскарова социальный прогресс обеспечил к концу 20-х годов одновременность развития архитектуры Средней Азии и Центра столицы: градостроительные поиски, посёлки нового типа, коллективизация в жилище. И

⁴ В рамках дипломного проекта в 1929 году студентом полиграфического факультета ВХУТЕИНа Ю. Корняковым оформлена книга В. Вяткина «Древняя архитектура Самарканда».

ранее неизвестные факты участия в процессе зарождения социалистической архитектуры будущих членов АРУ: В. Попова и С. Лопатина является тому ярким свидетельством.

2.1.2 Знакомство будущих членов АРУ с архитектурно-градостроительной ситуацией в среднеазиатском крае освещает новые данные об их археологически изыскательном и практическом опыте в 1925-1927 годах. Благодаря данным РГАЛИ стали известны сведения о том, что студенты мастерской Н. Ладовского С. Лопатин и В. Попов, выезжали на археологическую практику в Среднюю Азию.

В записях личных дел Союза архитекторов (РГАЛИ) указано, что с 1925 по 1927 годы С.А. Лопатин являлся научным сотрудником «Средазкомстарис» в г. Самарканде, где занимался в рамках учебной практики реставрацией памятников старины. Вместе с В.С. Поповым регулярно проходил практику в археологических экспедициях «Узкомстарис» в г. Самарканде.

Также согласно архивным материалам Лопатин и Попов 14 мая заключили договора с комитетом на период с 1 июня по 1 ноября 1926 г. Их обязанности как техников по ремонтно-реставрационным работам в г. Самарканде и других пунктах Средней Азии включали: 1) Техническо-производственную часть в рамках которой выполнялось наблюдение за производством ремонтно-реставрационных работ, согласно технических смет и указаний руководителя работ и коллегии Самкостариса, составление технических актов, обмеров и ведении журнала работ. 2) Научная часть подразумевала производство научно-архитектурных исследований по общеустановленным положениям для ремонтно-реставрационных работ и фиксацию работ. Ведение архитектурно-археологического дневника и выдаче указаний десятникам, фотографам и рабочим. 3) Работа академического характера включала в себя зарисовку, регистрацию, обмеры древних памятников архитектуры, фото и киносъёмки ремонтно-реставрационных работ.

Из документов личных дел Союза архитекторов стало известно, что в период практик В. Попов и С. Лопатин выполняли проекты в новых для них природно-климатических, историко-культурных условиях Средней Азии. По проекту Лопатина для г. Самарканд в 1927 году осуществлены 40 жилых домов на две квартиры и здание городского совета. Факт пребывания Попова на должности архитектора при техническом отделе Самаркандского Горместхоза с 04.01.1927 по 20.09.27 гг. содержится в его Трудовом списке.

Связующим звеном ознакомительного и первого проектного опыта будущих членов АРУ можно считать доклад С. Лопатина на тему «Планировка среднеазиатских городов», зачитанном 12 декабря в 1929 году, на одном из первых заседаний Объединения. Содержание пока остается невыясненным, но можно лишь только

предполагать, что тема демонстрирует переход от изучения древних памятников и реального строительства к анализу планировки традиционного города. Учитывая тот факт, что проектирование и реализация объектов жилого и общественного назначения, которые удалось произвести Лопатину, требует привязки к ситуации в городе. Не обратить внимание на структуру города в этом случае было невозможно. Остальные темы докладов обсуждали актуальные вопросы градостроительства, не относящиеся к проблемам среднеазиатской архитектуры. Таким образом, в АРУ рассматривался вопрос планировки среднеазиатского города до начала разработки конкурсного проекта на соцгород Чарджуй – первом опубликованном проекте архитекторов-урбанистов для Средней Азии. И первым, кто поднял эту тему в АРУ по опыту экспедиций и практического проектирования в регионе был С. Лопатин, о котором до сегодняшнего дня были известны только упоминания об участии в проектах Объединения.

2.2. Проект социалистического города Чарджуй, Туркменская ССР, арх. В. Калмыков, Л. Гринштун, 1930 г.

2.2.1. Программа и пояснительная записка к конкурсному проекту соцгорода Новый Чарджуй. Предметом анализа данного раздела стали дела Секретариата Президиума ЦИК Союза ССР за 1932 год из фонда Центрального Исполнительного Комитета СССР. Разнообразие градостроительных решений столицы Туркменской ССР в проектах АРУ, ВОПРА и ОСА, степень проработки этих проектов – от схемы города до объёмно-пространственных и композиционных решений жилых и общественных объектов – вызывало интерес исследователей истории архитектурного авангарда. Основным источником для анализа проектов является выпуск журнала «Советская архитектура» №1-2 от 1931 года (рис. 1), где в рамках отчета о проделанной работе представители конкурирующих творческих сообществ опубликовали материалы к конкурсному проекту, которые являются сегодня основным источником в изучении данной темы.

Анализ публикуемых впервые документов – протоколов совещаний, программы конкурса и пояснительной записи – позволил оценить масштаб организации конкурса на проект соцгорода Новый Чарджуй и всю сложность этого задания. Тема объединила все конкурирующие архитектурные организации Москвы (МАО, АРУ, ВОПРА, АСНОВА, ОСА). Представителями творческих объединений под началом МАО было разработано подробное задание, которое утверждали правящие структуры Туркменской ССР. Работа над темой организации новых городов Средней Азии выстраивалась в диалоге столичных и региональных органов. Благодаря этому программа и пояснительная записка детально отразили существующие специфические условия местности, приведены региональные социально-бытовые вопросы, требующие от архитекторов решения. Документы

иллюстрируют подробное видение организаторов и участников довольно редкого события в практике архитектурного авангарда – строительства социалистического города для Средней Азии в почти экстремальных природно-климатических условиях. Программу на составление конкурсного проекта и пояснительную записку к проекту соцгорода Новый Чарджуй можно считать значимой исследовательской градостроительной работой. Собранный организациями материал демонстрирует тщательный исследовательский подход к планировке, который не имел аналогов среди заданий на проектирование соцгородов тех лет в вопросе выявления настолько специфического сочетания природных и бытовых условий, среди которых: жара, пыльные бури, сейсмичность, подвижность русла реки и скорость её течения, с условиями жизни местного населения, проживающим в трёх разных типах поселений вокруг.

2.2.2. Проекты АРУ, ВОПРА и ОСА. Объединённые общей идеей – создать социалистический город Востока, реализуя поточно-функциональную схему, руководствуясь разными творческими уставами организаций, проектные предложения разнятся в отношении к жизнедеятельности в городе. От сугубо утилитарной концепции ОСА и проекта ВОПРА, где отношения человека в коммуне отражаются на пространственной среде города, к предложению АРУ, в котором источник вдохновения коренится в преобразовании привычного для местного жителя масштаба и разнообразия квартальной застройки, наделением города акцентами в виде оригинальной композиции общественного сектора в череде прямолинейных улиц.

Проработанность и оригинальность проектов учеников Н. Ладовского для Средней Азии обусловлена также участием в бригаде архитектора с богатым практическим опытом, реализующего знание специфики региона. В. Калмыкову в проекте новой столицы удалось реализовать этот опыт в сотрудничестве с Л. Гриншпуном.

В проекте Объединения АРУ очевидно стремление обойти «скучное однообразие», вызванное необходимостью малоэтажного строительства в сейсмически активном регионе и создать архитектурно-пространственное разнообразие. Достигнутая авторами прямолинейность, «плоскостное» построение города в пользу климата, гибкого роста и простоты « зрительной ориентировки» должна, напротив, создавать «скучное однообразие». Однако это могло бы произойти, если бы жилые кварталы не были разработаны с пониманием формообразующих принципов среднеазиатского жилища и «...трактовки характерных элементов для коллективного и индивидуального жилья».

Вклад по части адаптации традиции среднеазиатского жилища внос В. Калмыков – уроженец г. Ташкента. Можно предположить, что именно благодаря участию в строительстве железных дорог среднеазиатского округа (Ташкент, Самарканд, Фрунзе) в

1924-1926 гг. в качестве ремонтного рабочего, Калмыков в этот период получил представление о традиционных селениях и городах. О проработке и компетенции в вопросе строительства в регионе можно судить по рекомендациям архитекторов относительно использования местных материалов для конструкций, которых нет в проектах ВОПРА и ОСА.

2.3. Принципы реконструкции Ферганской долины в проекте городов Андижан и Наманган, Узбекская ССР, арх. В.А. Лавров и В.С. Попов, 1930-1931 г.

2.3.1 Научно-проектные и практические разработки в серии публикаций «К проблеме реконструкции городов в условиях Средней Азии»

Приводятся сведения о практической проектной работе, которая сочеталась с опытом теоретического обоснования проблемы реконструкции городов в своеобразных бытовых и климатических условиях национальных республик. Согласно личным делам авторов, время выполнения проекта говорит о том, что архитекторы совмещали работу в Гипрогоре с деятельностью в АРУ, и это отразилось на содержательной структуре серии статей. Особенность серии публикаций В. Лаврова и В. Попова в том, что первые две статьи относятся к концептуальным поискам архитекторов-урбанистов, основанных на подробном теоретическом исследовании региона. В них формируется ставшее в дальнейшем привычное для рационалистов отношение к составным частям города. Например, к жилому комплексу, как к «организму», реагирующему элементами застройки на внутrikвартальное окружение.

В третьей публикации архитекторов «К проблеме реконструкции городов в условиях Средней Азии. Организация населённых мест в условиях хлопкового района» иная цель: проработать технико-экономические вопросы и планировочную организацию территории долины на основе градостроительных схем. В итоговой четвертой статье «К проблеме реконструкции городов в условиях Средней Азии. Планировочная организация Андижана и Намангана как индустриальных центров аgro-индустриального комплекса» приводятся решения планировки городов Андижан и Наманган.

Масштаб работы и глубина анализа, проделанной В. Лавровым и В. Поповым в третьей и четвертой статьях указывают на использование исходных данных, которые могли быть в распоряжении только крупной организации, такой как Гипрогор. Авторы не указали причастность АРУ ко второй половине исследования по причине технического характера статей, требующего использования средств проектно-изыскательской организации. Объединение АРУ, как творческая организация такими средствами не располагала. Это подтверждается и архивными материалами, зафиксировавшими заседание Планировочной секции Научно-Технического Совета НККХ РСФСР 10 и 15

сентября 1931 года по рассмотрению проекта планировки городов Андижана и Наманганы на котором В. Попов и В. Лавров, в составе группы архитекторов от Гипрогора выступали с докладами, где демонстрировались эскизы схем планировки городов.

В серии публикаций о реконструкции городов Ферганской долины следует различать научно-проектную градостроительную работу В. Лаврова и В. Попова, выполненную под эгидой АРУ. В ней сформировались концептуальные принципы реконструкции городов. В практической части архитекторы-урбанисты адаптировали концептуальные положения к реальной экономической и географической ситуации городов на основе градостроительных схем. В связи с развернувшейся индустриализацией, потребовались проектные решения, отвечающие технико-экономической стороне проектирования. Развитие темы реконструкции среднеазиатских городов в серии публикаций является наглядным примером этого перехода.

2.3.2 Развитие планировочных решений г. Андижан и Наманган в Гипрогоре на основе материалов заседания Планировочной секции научно-технического сектора НККХ (1931 г.).

В данном разделе анализируются ранее неизвестные материалы, указывающие на продолжение развитие членами АРУ разработки проблемы реконструкции городов Ферганской долины. Материал представляет ценность тем, что позволяет со слов авторов проекта выявить аспекты, которым они уделили особое внимание, его развитие и ход мысли авторов. Более того, благодаря этим сведениям определены фамилии архитекторов, принимавших участие в разработке, а также состав комиссии планировочной секции НТС. Согласно заседания научно-технического совета НККХ РСФСР сектора плакировки и гражданских сооружений при ГИПРОГОРе от 15 сентября 1931 г. членами комиссии были одобрены основные задания для планировки, отмечено интересное и методологически правильное решение задачи планировка города. Приемлемы признаны основные задания и проекты застройки и жилища.

Таким образом, на данном этапе члены АРУ разрабатывали проекты городов и реконструкции по принципам социалистического планирования и расселения.

Глава 3. Научное и проектное наследие в Средней Азии бывших членов АРУ с 1932 по 1940-е годы

3.1. Архитектурно-градостроительная практика и историко-археологический опыт Виталия Лаврова

3.1.1. Генеральный план г. Чирчикстрой (застройка квартала малоэтажного строительства) и гостиница-общежитие (1936 г.)

Большую часть обширного исследовательского опыта Лаврову удалось реализовать на практике в проекте г. Чирчикстроя. Время выполнения проекта (1934–1935 гг.) совпадает с подготовкой рассмотренных ниже историко-теоретических исследований Средней Азии В. Лавровым. Согласно новым данным известно, что Лавров с 1934 по 1937 год работал руководителем Сектора Проектного бюро Чирчикстроя. Проект группы архитекторов, среди которых однокурсники Лаврова (Т. Варенцов, А. Сильченков – ученик Н.А. Ладовского, ранее занимался перепланировкой г. Ташкента с С. Гельфельдом) в Москве архитектурным бюро Гидростройпроект под руководством архитектора Г.М. Орлова и при консультации профессора В.А. Веснина.

Из архивных данных В. Лавровым составлен генплан города, детальный проект застройки жилого квартала 1-ой очереди и проект гостиницы. Жилквартал 1-ой очереди и гостиница осуществлены в натуре. В проектах сделана попытка использования архитектурно-планировочных национальных традиций.

Город Чирчик это пример нового города, где нет исторического комплекса, который бы требовал увязки с ним новых районов. Вместо единства исторического комплекса и новых районов возникла необходимость приведения к архитектурному единству разнородных по назначению планировочных районов: промышленного комплекса (химкомбинат) и жилого массива (постоянного посёлка). По описанию Лаврова, из-за сложности рельефа подчинить одному центру весь ансамбль не удалось, поэтому районы рассматривались как самостоятельные единицы.

В проекте Чирчикстроя отмечено внимательное отношение к особенностям пейзажа: цепь снежных горных вершин, складки холмов образовывали широкую панораму, ради которой архитекторы прибегли к приёму открытых перспектив. В объёмно-пространственном решении гостиницы Лавровым учтены положительные традиционные приёмы древних зодчих Средней Азии. Ранее подробно изученные особенности общественных и жилых зданий отразились в проекте использованием галерей для сквозного проветривания, лоджий и балконов, расположенных в шахматном порядке, которые выступают и западают, тем самым играя на фасаде тенями. Фактура поверхности и скромная орнаментация также нашли применение в гостинице-общежитии Чирчика.

3.1.2. История древней архитектуры Средней Азии в публикациях В. Лаврова с 1934 по 1940-е годы

Переоценка путей развития архитектуры и градостроительства с 1933 по 1940-е годы оказала влияние на положение дел в Средней Азии. Это вызывало волну работ, посвященную результатам научно-исследовательских экспедиций, изучавших древние

памятники архитектуры. Специалисты среднеазиатского искусства и археологии (Б.П. Денике, Л.И. Ремпель, Г.А. Пугаченкова, В.Л. Воронина), архитекторы, проектирующие непосредственно на месте (С. Полупанов, Б. Засыпкин, П. Удаленков), представляют очерки о древней и средневековой архитектуре, объёмно-пространственном построении традиционного жилья и орнаменте. Их темы основываются на поисках «национальной по форме, социалистической по содержанию» архитектуры в рамках переосмысливания классической ордерной системы. На этом фоне ярче выделяется отношение бывших членов АРУ (В. Лаврова и В. Калмыкова) к наследию, сформированное изначально под влиянием поисков социалистического среднеазиатского города (1930–1931 гг.).

Цель историко-теоретических исследований середины 1930-х принципиально мало чем отличалась от той, что ставили перед собой архитекторы в начале 1930-х. Объединяет эти разработки поиск актуальных планировочных элементов, требующих адаптации в современную архитектуру без «механического» копирования и исключения социально-бытовых факторов, признанных пережитками прошлого. В своей исследовательской деятельности В. Лавров стремился определить ценность феодальной планировочной системы для строительства новых и реконструкции старых городов в реалиях градостроительства национальных республик. Способы сохранения исторического комплекса с имеющейся масштабностью, ритмичностью и социальным статусом объекта изучались В. Лавровым для того, чтобы ввести эту единицу в композицию нового или реконструируемого города, как самостоятельную часть.

В творчестве В. Лаврова середины 1930-х гг., Хан-Магомедов выделяет две сферы градостроительной специализации: освоение и осмысление общих градостроительных проблем, а также внедрение этих общих разработок в условия Средней Азии. К тем общим разработкам градостроительства середины 1930-х годов можно отнести переход от поисковых социальных проектов новых городов, жилых комплексов и жилкомбинатов к формально-композиционным проблемам. Их внедрение в условия Средней Азии, а именно в проект г. Чирчикстроя не обошлось без анализа архитектурно-градостроительной традиции региона, специфики быта. Несмотря на обретенный ранее большой в этом опыте, полученный при работе над реконструкцией городов Ферганской долины в 1931–32 гг. сфера интересов в публикациях В. Лаврова периода 1934–1940-х гг. касается особенностей древней среднеазиатской архитектуры. Это указывает на историко-исследовательское направление деятельности, а разработка города Чирчик и реализованный там же проект гостиницы на практическое направление деятельности В. Лаврова в Средней Азии.

Обнаружены рецензии В. Лаврова о вышедших в 1939 году трудах: книге Б.П. Денике «Архитектурный орнамент Средней Азии» и сборнике трудов Среднеазиатского индустриального института, выпуск которого содержит статьи профессора Л.Н. Воронина и В.Л. Ворониной – известных специалистов по истории среднеазиатского искусства. В рецензии В. Лавровым затронута проблема совершенно недостаточно разработанных вопросов архитектурного наследия народов СССР, несмотря на ранее произведенную работу в советское время. В данном подразделе выявлено отношение к В. Лаврову, как признанному исследователю, чья сфера деятельности к 1940 году была связана с архитектурно-градостроительной теoriей и практикой, исследованиями в области истории национальной архитектуры, а позднее и с реставрацией.

3.1.3. Обучение и работа старшим научным сотрудником в Институте Аспирантуры Академии Архитектуры СССР (1941–1945 гг.)

Рассматривается ранее неизвестные факты и впервые публикуются документы об обучении и работе В.А. Лаврова старшим научным сотрудником в Институте Аспирантуры, где им была подготовлена кандидатская диссертация на тему «Архитектурно-планировочные приёмы среднеазиатских зодчих в их историческом развитии». Высокая ценность исследования доказывается присуждением докторской степени В.А. Лаврову по результатам кандидатской диссертации на учёном совете Академии Архитектуры СССР 13 июня 1945 года, благодаря сопедшимся во мнении об актуальности и глубине диссертации авторитетных оппонентов, среди которых архитекторы: А.В. Щусев, М.Я. Гинзбург, М.И. Ильина, А.В. Бунин; доктора исторических и искусствоведческих наук: С.П. Толстов, Б.В. Вейрман, Н.И. Брунов, А.П. Иваницкий. Впервые публикуются отзывы вышеназванных специалистов о диссертации В.А. Лаврова, а также проанализирована стенограмма заседания с отзывом самого автора о проделанной им работе.

В эти годы (1941–1945) знакомство с архитектурой Средней Азии углублялось систематическими экспедиционными поездками в направлении г. Хорезм (Узбекская ССР). Приводятся сведения об участии В. Лаврова в качестве архитектора в составе ИИМК⁵ в экспедиции 1940 г. под руководством начальника С.П. Толстова. Совместно с Истфаком МГУ, сектором археологии Института истории, Всесоюзной академии архитектуры в лице Архитектурного музея и Московского архитектурного института, выделивших в состав экспедиции своих сотрудников и студентов.

⁵ В 1937 г. ГАИМК преобразуется в Институт истории материальной культуры в составе Академии наук СССР (ИИМК АН СССР). В Ленинграде находились основные подразделения института, а в Москве — его московская часть. С 1943 г. Дирекция ИИМК была переведена в Москву и было утверждено положение о двух отделениях Института в Москве и Ленинграде.

3.2. Экспериментальное исследование и проектирование Виктора Калмыкова

3.2.1. Архитектурно-планировочные вопросы социалистического расселения в Киргизской АССР с 1932 по 1933 годы

Академия наук СССР по инициативе киргизского правительства организовала в 1932 г. комплексную экспедицию по изучению этого вопроса. Исследование по результатам экспедиции должны были послужить базой планового изучения природных богатств республики. Участие в этом принимала и Коммунальная академия РСФСР с целью разработки темы: «Организация населённых пунктов в Киргизской АССР в связи с размещением производительных сил и перспективами развития народного хозяйства Киргизии во вторую пятилетку с учётом фактора оседания кочевого хозяйства».

Экспериментальный проектный материал, собранный Калмыковым на основе полевых выездов и обработанный им в рамках кандидатской диссертации «Архитектурно-планировочные проблемы социалистического расселения Средней Азии в связи с оседанием кочевников», сформировал его личную теорию объёмно-пространственных построений. Материалы данного исследования легли во вторую часть сборника «К вопросу о социалистическом расселении в Киргизской АССР», но были опубликованы Академией Наук с запозданием в марте 1935 года, на что указывают авторы сборника. Из описания подготовленной В. Калмыковым части следует, что при сохранении местных национальных форм, его работа как архитектора-планировщика «...даёт методы их наиболее целесообразного использования, вкладывая в них при этом новое социалистическое содержание...». Еще более ценной делает работу богатый иллюстративный архитектурно-проектный и графический материал». К моменту выхода сборника в марте 1935 года, В. Калмыков последовательно публиковал свои наработки по этой теме в журналах «Планировка и строительство городов», «Архитектура СССР», «Советская архитектура». В них прослеживается путь

Призыв архитектора к критическому освоению и изучению элементов архитектурной организации (окраска и обработка стен, фактурная обработка деталей, резьба и др.) является ключевым в понимании выработанной стилистики В. Калмыкова, так же как отмеченные им орнаментальные композиции в художественной культуре Востока: «...стремление к геометрической выразительности внешней формы и внутреннего пространства жилья к чёткому орнаментальному рисунку». Такие элементы как бассейн «хауз», навесы летней части жилого дома, деревянные конструкции и лестницы, каменные конструкции куполов, арок, их облицовка кирпичом, мозаикой находят широкое применение.

В разработке темы оседания кочевников архитектор, сравнивая бытовой уклад татар и двор русского крестьянина приходит к важному выводу, что оседающие кочевники переносят в стационарное жильё элементы переносной юрты, а в планировку усадьбы «пейзажное» свободное расположение построек, как в условиях кочевья. Можно сказать, что на этом этапе В. Калмыкова интересовали поведенческие привычки местного населения, которые могли спрогнозировать долгий процесс соцрасселения кочевников.

Обнаружив огромное количество средств выразительности формы средневековой архитектуры в сочетании с раскованностью объёмно-пространственных построений, В. Калмыков вышел за рамки постконструктивизма и неоклассики. Солидный опыт работы и высокая степень проработанности темы позволили ему стать авторитетным и самобытным профессионалом в вопросе привнесения инновации в национальную архитектуру СССР со свойственной только ему стилистикой. Архитектору удалось реализовать ни на чей не похожий «стиль» в дальнейшем при работе над проектами кинотеатра в г. Нукусе и Центрального физкультурного комбината Средней Азии в Ташкенте (1934 г.).

3.2.2. Проект физкультурного комбината в г. Ташкенте, 1935 г.

Своего рода «градостроительную традицию» Объединения АРУ В. Калмыков продолжает в последнем для него проекте для Средней Азии – физкультурном комбинате в Ташкенте. Проект был выполнен во время работы в Строительном управлении Высшего Совета физкультуры на должности старшего архитектора с 1934 по 1935 гг. Традиция заключалась в учёте не только климатических и национальных особенностей, по словам автора проекта, также и в четко поставленном вопросе использования пейзажа в архитектурной композиции. Необычная пластика фасада и ниспадающая к торцам стадиона форма трибун исключает места с плохой видимостью. Параболический изгиб придаёт выразительность объекту в плане и на фасаде. Основанная на обзоре опыта проектирования крупнейших стадионов страны, статья В. Калмыкова посвящена увязке сети спортивных сооружений со структурой города, где отмечено значительное влияние этой сети на транспорт и архитектурную композицию городского комплекса.

Вышеописанное позволяет сделать вывод о том, что В. Калмыков в обстановке смены на постконструктивизм применял усвоенные у Н.А. Ладовского архитектурно-градостроительные принципы в последнем для него проекте для Средней Азии, значимость которого очевидна. В проекте архитектор демонстрирует сочетание этих принципов с суммой найденных ранее объёмно-пространственных приёмов для национальной архитектуры, которые сформировали его собственный стиль.

3.3. Проект жилого дома для колхозника Средней Азии, арх. Валентин Попов (1935 г.)

Выявленный проект жилого дома для колхозника Средней Азии является результатом продолжения работы над темой проектирования в восточном регионе, но уже в отличной от авангардистских концепций манере. Рабочие листы, на которых изображены проекции и перспективные виды жилого дома не датированы. Проект выполнен в Академии Архитектуры Союза СССР в институте Градостроительства, директором которого был профессор Л.А. Ильин, а руководителем мастерской экспериментального проектирования объектов колхозного строительства и данной темы выступал акад. архитектуры В.Н. Семёнов. Исходя из этого, можно предположить, что проект разработан во второй половине 1930-х годов. Об этом свидетельствует не только дата образования Академии (1934) и руководство институтом Ильина, но и анализ архитектурно-планировочных особенностей проекта жилого дома даёт представление о времени его разработки.

Жилой дом представляет собой традиционный жилой дом с аскетично расположенными элементами национальной классики на фасаде: карнизы и колонны, окна с наличниками, стены без декоративных узоров. В плане видно чёткое разделение на общественно-хозяйственную и жилую части, которая возвышается на три ступени от уровня земли. Две части дома объединены крытым айваном. Посередине расположен бассейн. Айван имеет выход на главную улицу и на задний двор с садом и огородом. Явные черты, произошедших социально-культурных изменений, отразились на отсутствии деления на мужскую и женскую половину, а также в потребности отгораживаться от улицы капитальной стеной. Рассмотреть данный в проект в масштабе колхоза не представляется возможным за отсутствием ситуационной схемы, но это не удивительно, если данный вариант жилого дома, разработанный в экспериментальной мастерской, скорее всего претендует на типовое решение для среднеазиатского региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании приведенных в диссертации материалов и их анализа творчество членов АРУ в Средней Азии следует рассматривать как значимый, многогранный и меняющийся процесс в истории советского архитектуры XX века с 1926 года по 1930-е годы. Рассмотренные материалы воссоздали сложный процесс развития творчества членов квадриги Н. Ладовского: В. Лаврова, В. Попова, В. Калмыкова и С. Лопатина с 1920-х по 1940-е годы. Систематизация неизвестных ранее историко-биографических данных, а также анализ проектно-исследовательского материала позволили расширить

представление о роли и вкладе советских архитекторов-градостроителей в становление теории и практики архитектуры и науки.

Выводы:

1. Раскрыт ознакомительный период деятельности будущих членов АРУ студентов ВХУТЕМАСа, мастерской Н. Ладовского В. Попова и С. Лопатина в Средней Азии, который не был известен и зафиксирован в истории архитектурного авангарда.
2. Выявлены и обоснованы **три основных этапа** в творчестве членов АРУ в Средней Азии: ознакомительный, проектный и научно-исследовательский. Каждый из которых в той или иной степени содержит черты другого. Поэтому их можно назвать взаимодополняющими. Тем не менее для рассматриваемых архитекторов каждый этап в отдельности сложился индивидуально:

- **Ознакомительный этап** связан с изучением строительной традиции и социально-бытовых условий Средней Азии. Для каждого из рассматриваемых архитекторов ознакомление складывалось в разное время и со своим характером. Для В. Попова и С. Лопатина этап состоял в сочетании археологических поездок, как техников и научных сотрудников по городам: Бухара, Самарканд, Ташкент с реальной проектной практикой в г. Самарканде. Их роль благодаря этому опыту заключалась в основании теоретической базы в АРУ для практических идей на проектном этапе. Для В. Лаврова ознакомление со спецификой региона начинается в процессе работы над реконструкцией городов Ферганской долины (1931-32 совместно с В. Поповым) с выездами на место и не выделяется в отдельный этап. Известно, что В. Калмыков, как уроженец г. Ташкента знал и любил памятники старины. Его опыт работы на строительстве железных дорог в 1925-26 гг. составили этот ознакомительный этап;

- **Проектный этап** в творчестве членов АРУ состоит из разработки новых среднеазиатских городов (соцгород Новый Чарджуй, 1930 г., арх. Калмыков, Гриншпун) и реконструкции существующих (Наманган, Андижан, 1930-32, арх. В. Лавров, В. Попов), по принципам социалистического планирования (включая рационализацию сельскохозяйственного сектора производства) с предложением нового типа жилища, переосмыслении типологии общественных зданий с учётом местных традиций (отбросить феодально-патриархальные пережитки и сохранить архитектурно-пространственные приёмы древних зодчих, вызванные природно-климатическими факторами, бытовым укладом). Рост города и отношение к отдельным его сооружениям, как к части целого города, композиционное разнообразие внутри города для благотворного восприятия человеком, постепенность перехода к обобществленным формам быта (дома переходного типа) также являлись

общими задачами на проектном этапе в творчестве членов АРУ в среднеазиатском регионе. Разница в проектах состояла в их развитии. Проект Нового Чарджуя, остался эскизной разработкой, выполненной по программе конкурса, разработанной МАО. Реконструкция городов Ферганской долины, начавшаяся с концептуальных предложений квартала и типов жилья от АРУ, обрела черты инженерно-технического проекта от Гипрогора из-за детального анализа и учёта авторами производственного и с/х сектора долины, чего не было в проекте г. Чарджуй. Акцент на проблемы городского ансамбля связан с общей тенденцией переоценки путей развития архитектурной теории и практики сообществом архитекторов, по-прежнему вопросы учета традиции остаются важными на данном этапе.

- Научно-исследовательский этап связан с экспериментальной деятельностью В. Калмыкова в которой архитектор углубился в изучение архитектурно-строительных традиций Средней Азии для разработки темы о соцрасселении кочевников. Для В. Лаврова научно-исследовательская деятельность обрела самостоятельный археологический уклон, разработка темы предпринята не для проектной практики или экспериментального проектирования, как у В. Калмыкова. Потому что работа над диссертацией велась с 1941 года, когда проектные работы В. Лаврова в Средней Азии были завершены последним проектом г. Чирчик (1936 г.).

3. Впервые процесс развития идей в творчестве членов АРУ в Средней Азии рассмотрен как целостная картина. Определена последовательность и развитие идей архитекторов-урбанистов через археологическую базу знаний, а также проиллюстрировано отражение некоторых положений доктрины Объединения АРУ (Первой и Второй Декларации) на проектах их членов и преемственность, трансформация после распада Объединения.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ РАБОТ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ:

1. Верхотуров, Ф.В. Городок Баухауз в Дессау и студенческие проекты ВХУТЕМАСа «Высшая Художественная Школа» в Москве / Ф.В. Верхотуров. // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА / Московская государственная художественно-промышленная академия имени С.Г. Строганова. – МГХПА, 2019. – №3. Часть 2 – С. 131-144

2. Верхотуров Ф.В. Программа конкурса на проект города Новый Чарджуй (1930 г.) / Ф.В. Верхотуров. // Architecture and Modern Information Technologies. – 2021. – №2(55). – С. 64–76. URL:https://marhi.ru/AMIT/2021/2kvart21/PDF/05_verkhoturov.pdf
DOI: 10.24412/1998-4839-2021-2-64-76

В других научных изданиях:

3. Верхотуров, Ф.В. В.А. Эйферт – уполномоченный Астраханских СГХМ / Ф.В. Верхотуров. // Свободные Государственные Художественные Мастерские. Из столицы – в регионы. 1918–1920-е гг.: Материалы Всероссийской конференции, 24 – 26 декабря 2018 г. МАРХИ, МГХПА им. С.Г. Строганова – М.: МАРХИ, 2018. – С. 104-105
4. Верхотуров, Ф.В. Анатолий Каплун и Иосиф Дlugач - выпускники ВХУТЕИНа, члены АРУ. / Ф.В. Верхотуров. // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ: Тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов, 8-12 апреля 2019 г. – Том 1. – М.: МАРХИ, 2019. – С. 131-133.
5. Верхотуров, Ф.В. Бруно Таут о работах Архфака ВХУТЕИНа. Новые данные // Баухауз и художественные школы эпохи авангарда: Материалы международной конференции, 17-19 апреля 2019 г. РАХ, НИИ РАХ, МГХПА, МАРХИ, НАД. – М.: МГХПА им. С.Г. Строганова, МАРХИ, 2019. – С. 193-195
6. Верхотуров, Ф.В. Проекты студентов Архфака ВХУТЕМАСа «Здание Высшей Художественной школы» в публикациях 1927 г. / Ф.В. Верхотуров. // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ: Тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов, 8-12 апреля 2019 г. – Том 1. – М.: МАРХИ, 2019. – С. 126-127.
7. Верхотуров, Ф.В. Валентин Попов – выпускник школы Ладовского, архитектор Средней Азии / Ф.В. Верхотуров. // Наука, образование и экспериментальное проектирование: Труды МАРХИ. Материалы международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов, 8-12 апреля 2019 г. Сборник статей. – М.: МАРХИ, 2019. – С. 286-289.
8. Верхотуров, Ф.В. Архитекторы АРУ о проблемах реконструкции городов Средней Азии / Ф.В. Верхотуров. // Реабилитация жилого пространства горожанин: Материалы XV Международной научно-практической конференции им. В. Татлина

- 19–20 февраля 2020 года – Пенза: Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, 2020. – С. 174-182
9. Верхотуров, Ф.В. Воспитанники школы Ладовского – основа творческой организации АРУ / Ф.В. Верхотуров. // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ: Тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов, 6-10 апреля 2020 г. – Том 1. – М.: МАРХИ, 2020. – С. 100-101.
10. Верхотуров Ф.В. Практика студентов Архфака ВХУТЕМАСа в Средней Азии в 1925-1927 гг. / Ф.В. Верхотуров. // Пространство ВХУТЕМАС в мировой культуре XX-XXI веков. – Москва: МАРХИ, МГХПА им. Строганова, РАХ, Московский политехнический университет, 2020. – С.336-338
11. Верхотуров Ф.В. Публикации В. Лаврова в период учёбы во ВХУТЕИНе / Ф.В. Верхотуров. // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ: Тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов, 5–9 апреля 2021 г. – Том 1. – Москва: МАРХИ, 2021. – С. 84–85.

АСПИРАНТУРА МАРХИ 2021